

Андрей РОМАНОВСКИЙ родился в Елабуге в 1955 году. Окончил сценарный факультет ВГИКа. Член Союза кинематографистов России. Лауреат кинофестиваля «Золотой витязь». Сын писателя Станислава Романовского. Живёт в Москве.

НИКОЛАЙ БЛАГОВ И СТАНИСЛАВ РОМАНОВСКИЙ

Зная, как бережно чтут в Ульяновске память Николая Благова, которому в этом году исполнилось бы 95 лет, я пишу эти заметки, штрихи к портрету замечательного поэта.

Почему я их пишу? Потому что Николай Благов крепко дружил с моим отцом, писателем Станиславом Романовским. Ровесники, они познакомились еще на рубеже 1950–60-х годов, когда вместе работали в газете «Ульяновский комсомолец». В 1964 году отца вызвали в ЦК ВЛКСМ с тем, чтобы оставить его в столице – работать ответственным секретарём в журнале «Сельская молодёжь». С тех пор, хотя друзья и расстались, они виделись всякий раз, когда Благов, довольно часто приезжал в Москву по делам («Вспоминаю наши кругосветные путешествия по Москве», – шлёт ему в 1969 году открытку Романовский), созванивались и переписывались. Отцовские письма к Благову (из тех, что сохранились, последнее относится к февралю 1990 года) приведены в монографии Г.А. Дёмочкина «Благов. Земной путь большого поэта» (Ульяновск, 2018). В одном из них говорится, что, покидая дом, где работать в тесноте стало совсем тяжело, он, Романовский, переезжая на съёмную квартиру, прихватил с собой «мешок писем», в том числе и писем его, Благова.

Где теперь этот «мешок» – неизвестно...

О том немногом, что сохранилось из адресованного Благовым моему отцу, я расскажу чуть позже. А пока – вот: отцовская дневниковая запись.

11/XII–64 г.

В Москве я 4,5 месяца, кажется – сто лет, призыв, не слышу шума, стал спокойно и равнодушно относиться к гениям, ибо, к сожалению, убедился, что их нет, а есть... чепуха. Обедать почти не приходится – отчаянная журнальная буча, толчея, бестолковщина, без которой нет ни дня, ни часа. Мучит – не можем попасть в график.

Странное дело – люди порядочные и внутренне талантливые – без имени. Бездарности – имя.

К людям порядочным и талантливым (талантливым не только «внутренне») отец безоговорочно относил Николая Благова и досадовал на то, что тот – «без имени». В том числе и об этом он писал в своей статье-рецензии на его стихи, опубликованной в московском «толстом» журнале:

«Благов живёт на Волге. Он был и остался с ней. Конечно, нет таких правил, где жить и писать поэту, – лишь бы хорошо писалось. Только ещё луч-

ше, когда тебя читают. Поэты, во всяком случае, те, с которыми мне приходилось толковать, Благова знают – одни меньше, другие что-то и наизусть помнят... А широкий читатель с его работой толком не знаком... Виновато, по-моему, положение «периферийного» поэта: известное ограничение доступа к центральным издательствам, невнимание, даже пренебрежение критики к издательствам областным – это мешает признанию талантливого автора. Тем более обидно, что на нашей памяти другие примеры, когда шумиха в центральной и зарубежной прессе вокруг сомнительного автора приносит ему незаслуженный и несправедливый успех.

Говорят, признание придёт и само, дарование рано или поздно пробивается к людям, как яблоня к солнцу. Но мы-то знаем и такие яблоньки, которые никли и гибли от холода или иных причин...»

(«Руки рублёвского ангела», «Молодая гвардия», 1968, №11)

Стихи Благова, которые Станислав Романовский разбирает в своей статье, он цитирует по тексту сборника 1968 года «Имя твоё». У меня сохранился читанный-перечитанный экземпляр этого сборника с дарственной надписью:

*Станиславу Романовскому с любовью, Н. Благов
27 авг. 68 г.*

Той же тёмно-синей шариковой ручкой, что сделана дарственная надпись, автор внёс немногочисленные правки в текст сборника: одну букву в том или ином слове (заметив опечатку?) он заменил на другую.

Сделанные чёрными чернилами на полях книги те или иные замечания отца, а также его оценки прочитанного, как правило очень высокие (!, хорошо, отлично, светло-хорошо...), приходятся на половину стихов сборника.

Эти отрывочные замечания в конечном итоге ложатся в основу статьи-рецензии, призванной помочь другу утвердиться в литературном мире:

«Самые удачные из стихов поэта не дадут сколько-нибудь полного представления о его чувстве Волги. Не только потому, что им пронизаны многие стихи, но и потому, что строки, поэтом сложенные, переплелись между собой особенно густо, тесно, и изъятие их из единой ткани не проходит безболезненно. И всё же я рискну привести отрывок из стихотворения «Ледолом».

*Волга поднималась без угрозы,
Серой ночью, чуть звеня ледком.
Сразу, как от плотника с мороза,
Сизым потянуло холодком.*

*Будто, отроив листву, деревья
Шли селом, толкались на дворе.
Будто кто-то спящие деревни
Переставил окнами к заре.*

В нашей литературе я немало встречал описаний ледохода и нередко ловил себя на мысли, что авторы повторяются, а вот раскрыл Благова – и душа вздрогнула: хорошо-то как! Светло, не заезжено, с бережной добротой и зоркостью...

Не выражая словесно, что такое чувство Волги, из-за боязни впасть в схему и примитив, я всё же скажу про одну его, едва ли не самую главную, сторону – это сыновняя благодарность, святость отношений к реке-родительнице, которую издревле зовут матушкой:

*...Волга вторит им песней весенней, ответной.
То темна,
То снежницы апрельской светлей.
Никогда не бывает пустою, бесцветной,
То беда в ней,
То счастье –
Как глаза у людей.
Где подсобит волной,
Где прохладой поможет –
Как живой человек, понимает она!
И сказала бы что-то,
Да жаль, что не может,
Даже скажет как будто,
А что?
Тишина.*

Мне всегда жаль строк, вырванных из контекста, – они кажутся беззащитными, раненными своей разлучённостью с живой стиховой плотью. Но я думаю, что эти стихи, как и другие благовские строки, сумеют постоять за себя своей неподдельной талантливостью.

Волга, главная соучастница «торжеств и бед народных», умная, понимающая, могучая – это ещё не вся благовская Волга. Он не мыслит её без людских судеб, без волгарей и волжанок, без пахарей, плотников, плотогонов, лесорубов. И сильнее, больше всего ему удаются женские судьбы – материнские судьбы.

Волга-матушка – русская женщина-мать, воительница и страстотерпица. У Благова здесь нет прямой аналогии, у него всё тоньше, нежнее, похорошему сложнее и ласковей.

Смотришься в его стихи, как в волжскую воду на стрежне, и в бегучей влаге видишь и своё лицо, и лица других, и трудные их судьбы – они сплетаются в большую реку жизни, где нет места тщеславию и праздности. Я не собираюсь выводить прямую зависимость между биографией поэта – биографией крестьянина из приволжского села Андреевки – и его творчеством (известны и обратные примеры, когда иные, не очень способные литераторы призывают списать недостатки их творчества за счёт

крестьянского происхождения). Прочитайте стихи Благова, всмотритесь в блеск топоров, вслушайтесь в разговор пахарей, возвращающихся со страды, – вы убедитесь, что его трудолюбцы описаны не нагужно, не заданно, а пропеты так, как поёт птица – свободно, иначе не может, заслушаешься».

Если идти дальше, соблюдая хронологию, – у меня осталась фотография, относящаяся к декабрю 1975 года: гостиница, Благов и Романовский – делегаты 4-го съезда писателей РСФСР, что проходил в Москве в Доме Союзов.

Я беру тетради отцовских дневников и выписываю оттуда то, что касается Благова:

1981 год, без даты

Люблю Николая Благова с его всегдашним открытием юности.

18 декабря 1983 года

...Из гостиницы «Москва» звонит мой любимый поэт, друг мой Николай Благов. Ко мне сюда в [Дом творчества] Переделькино должен приехать – прочитать и подписать статью «Земля и космос» [статья будет называться «Хлеб и космос» – А.Р.] – космонавт Виктор Савиных: договорённость была, он и маршрут расспросил подетальнее.

А время уже позднее...

Виктор Савиных – единственный космонавт-тракторист, и эта подробность, сообщённая Николаю Благову по телефону, растрогала его.

23 февраля 1984 года

Шолохов умер 21 февраля 1984 года в 1 час 40 минут.

.....

25 февраля 1984 года

Вчера звонил в гостиницу «Москва» Благову (тел. 292–11–04):

– Поздравляю с праздником.

– С каким?

– С днём Советской армии.

– Какие тут праздники: Шолохов умер.

– Мне крыть нечем...

Был у него в гостинице, провожал на саратовский поезд. Говорили торопливо, стараясь жадно выслушать друг друга. С нами был Анатолий Михайло-

е стихи
пайтесь
рады, –
и не на
птица –

ию, – у
екабрю
– деле-
ходил в

вич Наумов, секретарь писателей Ульяновска, с которым мы после долго говорили об ульяновских знаковых (на станции метро «Павелецкая»), и рисковый Юрий Никитин, обладающий даром вскакивать в поезд, догнав его на спринтерской скорости... Запомнилось суждение Благова:

– Шолохов – такое же явление, как «Слово о полку Игореве». Как Есенин. Мальчишка написал «Тихий Дон» – произведение судьбоносное. Война для Шолохова – явление слишком мелкое, для его дара, поскольку там всё ясно: друзья и враги. Революция... трагедия её, всегда в одной семье 10 разных идеологий, пронзила его существо с мальчишества, и вот он – «Тихий Дон». Почему так скудно отмечены его похороны? Потому что у нас нет культуры общественного пения? [Пенан – это жанр древнегреческой поэзии, лирическая хоровая песня; её пели в том числе и в дни народных бедствий. – А.Р.]

28 июня 1985 года

26 июня с.г. – редколлегия из-ва «Современник», где Л.А. Фролов, мой единомышленник, успешно дебютировал как директор и где я встретился с другом моим Н.Н. Благовым. По-настоящему, но не досыта наговорились мы с ним на другой день и сегодня утром... по телефону. У него умерла мама: разжигала печь, перепутала канистры и вместо керосина плеснула бензином...

.....

1 ноября 1985 года

Вчера была редколлегия «СМ» [«Сельской молодёжи»]. [Критик Игорь Петрович] Золотусский побывал [в Ульяновске] на могиле своего учителя Черненко и передал мне привет от Благова и Хрусталева. Есть в нём правда с хорошей жесточинкой...

10 декабря 1986 года

Сегодня встретился с Н.Н. Благовым. Были на Красной площади и в Кремле. Коля поутих, слава Богу, не пьёт, «стал скромнее в желаньях». Проступило в нём что-то провинциальное.

Народу в Кремле было меньше обычного. Древнерусское искусство люди чувствуют очень тонко, особенно женщины.

Новогодняя открытка

Откладываю в сторону стопку тетрадей, отцовских дневников – и беру в руки новогоднюю открытку с лубочными знаками зодиака и поздравлением с 1986 годом:

Дорогой Станислав Тимофеевич!

Верю всегда в проранную [?] раскованную силу Камы, которая с таким дерзким отпрыгом пронеслась несколько лет назад на зависть самой реке. Давай хоть изредка перебрасываться весточками пусть мало-мальскими. Заедает волчья тоска, косматое одичание, ледяная оторопь. Несовпадение шумной и бестолковой Кармалы говорильной с тем, что копится и зреет.

Обнимаю тебя и притянуть хочу как можно ближе для тепла. Твой Н. Благов.

Дорогой Станислав Тимофеевич!

Поздравляю тебя с самым большим – для писателя – праздником – выходом книги [сборник рассказов «Сон лисы» – А.Р.] в Детской литературе, о чём я, правда, только слышал, а хотелось бы и в руках подержать. В самом деле – праздник! Кажется, через неделю и я буду в Москве, приезжаю на съезд.

Найду ли тебя?

Очень хотелось бы встретиться.

Наговорится с братской душой.

По Москве поплутать бы ещё раз.

Твой Н. Благов.

12 VI. 86.

И вот ещё – конверт, а в нём страница: письмо – или записка, написанная крупным почерком:

Дорогой Станислав Тимофеевич!

Поздравляю тебя с самым большим – для писателя – праздником – выходом книги [сборник рассказов «Сон лисы» – А.Р.] в Детской литературе, о чём я, правда, только слышал, а хотелось бы и в руках подержать. В самом деле – праздник!

Кажется, через неделю и я буду в Москве, приезжаю на съезд [писателей]. Найду ли тебя?

Очень хотелось бы встретиться. Наговорится с братской душой. По Москве поплутать бы ещё раз.

Твой Н. Благов.

12.VI. 86

Завершить свои заметки, штрихи к портрету Николая Благова, я хотел бы строками из стихов моего отца, написанных, что называется, для домашнего пользования ещё в Ульяновске, который автору предстояло вскоре навсегда покинуть. Небольшая шуточная поэма, написанная «пушкинским слогом», она была посвящена друзьям – ульяновским журналистам; отец, снискав среди слушателей скоротечный успех, читал поэму в редакции «Ульяновского комсомольца».

Дорогой Станислав Тимофеевич!

Верно всегда в ироничную
Рассказательную манеру Камы,
которая с такой дерзкой

оль при этом прохвещивает
лет изряд на журавль свей

Рече. Давать хоть изредка
перебрасывается восточными
шудет мало малыми.

Заедает волость тоска, косматое
одичавшее, легкое отгорожи
Несомненно борлотоние шудной

и бестолковой кармане говорюны
с тем, что коштыя и дреб.

Обычною тебе и протыкут
погу как можно ближе
для тебя. Твой Н. Благова

Вот строки оттуда, относящиеся к Николаю Благову:

В морозном воздухе суровом
Огонь фонарей струился вдаль.
Мы шли, как Герцен с Огарёвым,
Разлуки чувства печаль.

Видимо, у кого-то слёзы навернулись на глаза:

...Но Николай не утерпел,
Проговорив: «Довольно фыркать,
Ведь Маяковский не ревел,
Когда отсиживал в Бутырках!»

Слёзы, похоже, навернулись на глаза у обоих.

Фото из семейного архива А.С. Романовского

НАЗВАНЫ ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ИМЕНИ Н.Н. БЛАГОВА

4 февраля 2026 года в Торжественном зале Дворца книги состоялось награждение лауреатов межрегиональной поэтической премии имени Николая Благова.

Наградил лауреатов губернатор Ульяновской области Алексей Юрьевич Русских.

В номинации «Верность традиции» победил Леонид Негматов (г. Саратов).

В номинации «Волжская пристань» награждена Светлана Мингазова (г. Казань).

В номинации «Земляки Благова» лауреатом стал Андрей Цухлов (г. Ульяновск).

Леонид Негматов, Светлана Мингазова, Андрей Цухлов.
Фото пресс-службы Дворца книги